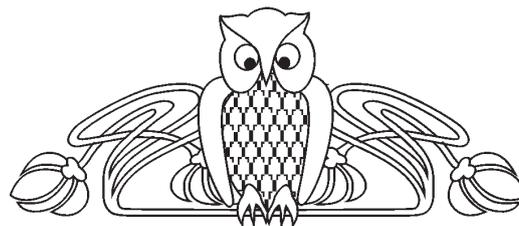

УДК 11+114+111.5

Бытие человека как становление письмом

С. М. Малкина

Малкина Светлана Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Malkinasm@gmail.com

Цель статьи – рассмотреть понимание человеческого бытия через понятие «письмо», используя философские концепты Ж. Деррида и Ж.-Л. Нанси. Любое наше действие или мыслительный акт можно трактовать как письмо, располагающееся на поверхности касания, в зоне размыкания меня Другому. Наше бытие не «имеет смысл», а само становится смыслом будучи выписанным. Новизна статьи состоит в проблематизации представления о Я. Будучи местным, потому всегда разным эффектом письма, Я тем самым оказывается фрагментарным, несводимым к какому-либо единству, лишенным самоидентичности. Мы пишем себя, но всегда кому-то (письмо интенционально). И этот кто-то также пишет нас – через чтение, так что механизм письма (чтения) оказывается единым актом. Тем самым выписываемая поверхность одновременно единит и разделяет субъектов. Субъект – не точка без места, а пространственная конфигурация поверхностей, представляющих собой геометрическое место своего вероятностного бытия. Необходимо снять оппозицию письма и стирания в связи с невозможностью письма без стирания, а стирания – без переписывания. Но стирание, разрывы есть и в самом письме, ведь оно является не только цепочкой знаков, но и конфигурацией пауз между ними. Так что субъект располагается не столько в самой ткани письма, сколько в разрывах этой ткани, оказываясь той онтологической нехваткой, которая и побуждает к письму.

Ключевые слова: письмо, бытие, субъект, Я, Другой.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-37-42>

Бытие письмом

Почему философ что-то пишет вместо того, чтобы пребывать в молчаливом созерцании того, что ему открылось в мире? Как замечает Ж. Баттай, «эти суждения должны бы привести к безмолвной тишине, а я пишу. И это ни в коей мере не парадокс» [1, с. 128]. На письмо философа толкает какая-то нужда. Он чувствует себя медиумом, позволяющим высказаться мысли. Это высказывание оказывается перформативным, оно что-то делает. Делает прежде всего с самим философом, а если высказанное было удачно, то и с читателем. Почему?

Итак, я пишу себя, но не только в философском тексте. Я прописываю себя – как текст – в общении, в своих действиях. Каждое мое действие – это письмо, не письмо-сообщение,

а письмо как выписывание, очерчивание. Обращаясь к человеку, я пишу свой образ: в его взгляде, отражаясь в котором я присваиваю себе какую-то часть себя. Бывшую до того или новую? Не все ли это равно? Это то же самое, что спросить, кого играет актер: роль или себя. Он играет роль, но она ему удастся постольку, поскольку он оживляет ее собой, воплощаясь в ней какой-то своей частью.

По выражению Ж.-Л. Нанси, наше бытие оказывается экс-позиционным: «Если сущностью бытия как субъекта является самополагание, то здесь самополагание как таковое, по сути своей и структуре, само по себе есть показ» [2, с. 60]. «Наше тело – это становление пространством, в письме. Это пространство не территориально, а пространство разнесения-и-соотношения-в-общении. Я пишу не столько по своей коже, которая защищает меня, сколько выписываю ее как границу, которой я касаюсь другого, это сфера взаимной чувствительности, та поверхность, где “я” касается “тебя”, а “ты” – “меня”. Собственно, эта поверхность касания и есть мое тело, “тело – быть-выписанным”» [2, с. 43].

В письме я не выражаю некий скрытый (в сознательном или бессознательном) смысл, мое бытие и есть становление-смыслом, смысл не существует «до» письма, он выписывается им. Смысл – это не что-то добавочное по отношению к бытию, «бессмысленному» самого по себе. Во многих европейских языках мы имеем дело с двойным значением sens(e), что демонстрирует то, что смысл неотделим и от чувства, ибо без него он не прописывается. Смысл, как и само бытие, нуждается в разделении, поэтому, чтобы быть таковым, он нуждается в высказанности, выписанности, а разделенность-между как раз и создает то пространство, в котором этот смысл прописывается, которое пишет этот смысл и является этим смыслом. Смысл – то, что требует прописывания, в эк-зистенции и через о-пространствование. Собственно, это и есть наше человеческое бытие-смыслом.

Поэтому письмо – это артикуляция смысла, наши слова и действия выписывают нас – нет, не как целостности, а как смысловые комбинации. Ведь письмо всегда фрагментарно. Я не пишу себя как единую ткань, неразрывное полотно.

Наше бытие делимо – делимо в смысле того, что мы его делим с кем-то, и эти кто-то, будучи различными, создают каждый раз новое пространство письма. Мы можем быть одними в кругу семьи, а другими – на работе, с одними друзьями взаимодействовать в одном аспекте, а с другими – в другом. Сходятся ли эти поверхности письма в одной точке? А что бы могло быть такой точкой?

Я

Кто же меня пишет? «Ну, конечно же, я», – хочется сказать в ответ. Но где тот, кто говорит «я»? В том-то и дело, что он всегда «здесь», это не бестелесный атман, витающий за (над) телом, «где-то там». Мы не точечны, наше бытие требует бытия в пространстве, в котором мы выписываем себя. Я не просто говорю «я», находясь здесь, высказывание «я» и образует некоторую позицию, мою локализацию, это всегда некоторая местная комбинация, «тембр места», модуляция голоса или шрифта. Например, я говорю «я» в аудитории, выступая в академическом сообществе. Тем самым я говорю перед людьми, которые знают меня больше или меньше – и это несколько меняет характер моего сообщения для них, меняется топоним моего высказывания «я». Получается, что этот топоним не абсолютен, он выстраивается, только исходя из отношения, отношения «я» с тем, что, как, кому или чему я пишу, т.е. это некоторое местное измерение моего письма. Не существует Я «вообще», Я – это способ сгустить и связать воедино некоторые смыслы в акте письма, способ придать письму у-местную связность. Как отмечает Нанси, «я есмь – каждый раз, когда есмь, – флексия места, складка или игра, посредством чего это (я) высказывает(ся). Ego sum – местная инфлексия, та или иная всякий раз, неповторимым образом (но сколько раз за “один” раз? сколько высказываний в “одном”?), даже это произношение или этот оттенок» [2, с. 51].

Можно привести интересное сравнение из области фотографии: если мы заснимем свое пребывание в каком-то пространстве на долгой выдержке, то вместо «себя» мы увидим лишь смазанность картинки, уплотненную лишь в местах нашего более частого пребывания. Попытка схватывания своего бытия в его непрерывности демонстрирует его отсутствие. Если же мы наложим отдельные кадры (т.е. как бы соберем себя из фрагментарности), то результатом будут интересные пространственные фигуры наподобие серии фотографий Шиничи Маруямы, хотя вряд ли можно эти фигуры считать целостными и едиными или обладающими какой-то сущностью (т.е. Я), учитывая способ их получения.

Нет смысла требовать от себя не только идентичности и самотождественности, но и даже какой-либо целостности, учитывая эту фрагментарность письма, «невозможно ... писать тело “вообще” – писать без разрывов, поворотов на сто восемьдесят градусов, без прерывности (дискретности), равно как без непоследовательности, противоречий, отклонений дискурса от самого себя» [2, с. 43–44].

Чем мы пишем? Мы пишем собой, тем, чем мы наполнены. Но и здесь нет какого-либо «внутри», поскольку эту наполненность мы опознаем именно по ее выписанности. Я пишу, используя вместо чернил субстанции, составляющие мое бытие и являющиеся инстанциями чувств, мыслей, желаний. Я расписываюсь ими, тратя себя в письме. Поскольку нет преданного Я, оно дается только в очерчивании, Я обнаруживается по месту прописывания. Я выписываю себя любыми экзистенциальными соприкосновениями с окружающими, являющимися легкими касаниями, прикосновениями или же ударами, оставляющими долго ноющие гематомы. В конце концов, я выписываю себя даже мыслями, поскольку они создают ту или иную тональность моего письма.

Пишу себя другим, пишу себе. Другой себе? А разве есть та же самая?

Письмо и Другой

Что бы мы ни делали, ни писали – мы пишем себя. Все является нашим дневником: наша манера речи, наши привычки, наши действия и ускользание от действия – все это выписывает определенный образ. Но невозможно только писать *себя*. Письмо располагается на поверхности касания, в зоне размыкания меня Другому – я пишу не только себя, одновременно я пишу и других.

Мое письмо всегда адресно. Я мыслю, действую, пишу – кому-то, тому, кто меня обособляет, будучи вместе с тем соотношенным со мной в некотором пространстве общего письма. Даже если этот кто-то нелокализуем явно, он всегда дан в некой топике мест, по отношению к которым и выстраивается мое письмо. Это место даже может быть пустым, и все же для меня оно является тем, что меня размыкает и выписывает. Собственно, это и есть Другой – тот, кто, разносясь со мной, делает возможным мое письмо, возвращающее меня мне. Я могу писать конкретному человеку, Другому в себе или – автору текста, с которым я веду таким образом разговор. «Сенека пишет Луцилию»... а почему бы нам не писать Сенеке?

Я не могу помыслить субстанционально и автономно ни себя, ни другого, поскольку, когда

вижу себя, это Я – всегда дано в каком-то отношении, в том числе к Другому. Точнее – к другим. Множественность других тем самым подразумевает и принципиальную множественность и несамотождественность Я, не исключаящую в то же самое время и его единичности, выписывающей ее через множественность. Я выписывается не одной линией и не по одной поверхности, я не могу «снять» эту множественность в некоторой успокаивающей идентичности. Таким образом, я не представляю собой и целостную выписанную картину, в которой множество частей согласованы и гармонизированы в единстве. Эти линии – не собственно мои контуры, скорее, это фигура, подобная электронному облаку, представляющая собой не субстанциональную пространственную его модель, но геометрическое место возможной, с той или иной степенью вероятности, явленности моего Я.

Но кто является субъектом письма? Если Я – это местная складка, некоторый топос пишущего(ся), то кто же пишет? И кто читает? В чем разница между чтением и письмом? Письмо и чтение неотделимы друг от друга, писатель неизменно оказывается читателем (ведь он представляет себе, как выглядит, как это будет читаемо), а читатель – писателем. Я ли пишу себя или это другие, читая, делают ответными действиями и комментариями «пометки на полях» и именно они образуют «меня»? Вообще, нет отдельных двух действий – чтения и письма, а лишь два режима функционирования единого механизма письма (чтения), ведь мои отношения не направлены в никуда, они всегда отнесены к той или иной открытости нам, будь то открытость человека или мира, которые этой открытостью уже что-то предписывают нам. Пишет, в конце концов, само письмо, пишет *нас*, прописывая меня в других, а других – во мне.

Я прописываюсь прочитанным. В текстах. В других. В себе. Я прочитываю других через себя, себя через тексты, а тексты – через других и себя. В этом взаимном чтении-письме мы уже не можем претендовать на авторство, скорее, мы становимся пространствами сопряжения, давания-места текстовым мирам, которыми в равной мере являются как «книжки», так и «люди». Я адресую письмо... кому? Кто выступает в роли этого Другого? Я пишу себя миру (или это мир пишет меня?), который встречает меня разнородностью текстуальных пространств (книг, людей, событий), взаимоотсылающих друг к другу. В конце концов, я пишу себе, в бесконечной попытке дотянуться до себя – через других. Меня пишет прочитанное, я есть то, что мною прочитано.

Касание

Письмо является тем, что оказывается зоной касания, выписываемой поверхностью, одновременно единящей и разделяющей. Это тимпан, предел как граница внутреннего и внешнего, своим натяжением, своими колебаниями приводящая к звучанию. Ж.-Л. Нанси пишет: «Отстояние субстанций и субъектов – отстояние, единственно и дарящее им их неповторимые возможности, которые не имманентны и не трансцендентны, но заключены в измерении, или в жесте, обращении, опространствования. Это как тела любовников – они не пресуществляются, но соприкасаются, возобновляют без конца свое опространствование, удаляются, адресуются друг (к) другу» [2, с. 42].

Почему людям хочется, чтобы их поняли? Быть может, здесь также отчасти дело в касании – удовольствии от соприкосновения поверхностями письма? Касание может быть ласковым или болезненным – если это уместно, любое касание может доставить удовольствие. Или не доставить. Касание должно быть тактичным, нам необходимо чувство такта. Ритма или уместности? И того, и другого.

Касание кожи как двойной поверхности, разделяющей (отъединяющей и соединяющей) меня и не-меня. Касание – это не только чистая тактильность, это со-общение, поэтому контакт (физический, ментальный, социальный, какой угодно) – это сфера разделения бытия в общении, зона личного общения. Слишком личного. Это касание не терпит публичности и сопротивляется чуждому. Касание – сфера соприкосновения, поверхность которого и есть наше тело, граница нашего со-общения с миром. Я касаюсь не только физически – кожей, но и мыслями – оставляя следы слов, чувствами, своим существованием. Я существую касательно других.

В касании рождается *sense*, чувство (смысл). Commonsense слишком общий и слишком здравый. Коснуться – это всегда у-местная процедура. Смысл всегда имеет местное значение, он не трансплантабелен. Я касаюсь того или этого, так или иначе.

Но возможно и ускользание от прикосновения. Это может быть избегание контакта (это меня не касается! или я не хочу этого касаться!) или невозможность дотронуться. Касательность нашего бытия сопряжена тем самым, безусловно, с вероятной фрустрацией, а возможность смысла – с потерянностью и отсутствием смысла.

И все же касание. Так или иначе, это касается всех. Отсутствие смысла уже имеет некоторый смысл, всегда. Эта зона различения и вместе с тем единства письма и чтения приводит и к не-

возможности субстанционально разделить меня и другого, которые оказываются существующими немонадным способом. Письмо оказывается пересечением мест (одновременно и выписыванием их в различительно-единящем акте между Я и Другим), наша несамотождественность оборачивается онтологической открытостью Другому, «каждое тело пересекает все остальные в той мере, в какой оно себе поперечно: это прямая противоположность мира замкнутых монад, если только истина пересечения и взаимопроникновения монад во всей их совокупности не заключена в конечном счете *в теле*» [2, с. 52].

Наше бытие и есть бытие-смыслом в выписывании, от меня к другому и обратно. По словам Ж.-Л. Нанси, «смысла нет, если он не разделен (с другими), и не потому, что должно быть одно значение, первое или последнее, которое являлось бы общим для всех живых существ, а потому, что *сам по себе смысл является разделением (partage) бытия*» [3, с. 17]. Как бы мы ни говорили об утрате смысла, о непонимании – эти разговоры имеют смысл, поскольку пространство смысла уже задается нашим со-бытием.

Двойное письмо

Однако невозможно только *писать* себя, так же, как невозможно писать, не читая, невозможно писать, не стирая. Письмо может быть только двойным жестом письма и стирания. Но можно ли стереть что-то в себе? Мы никогда не стираем полностью. Сам процесс стирания проблематичен, подобно проблематичности возможности отрицания. Разве отрицание что-нибудь когда-нибудь отрицает? Отрицание – это способ высказать что-то в форме несогласия («я не хочу сказать, что ты глуповат, но...»), специфический способ присвоить нечто, отрицание не стирает, а является формой прописывания.

Где я пишу? Я пишу между нами. Значит, и стирать тоже нужно не «внутри себя» (поскольку нет никакой отделенной от мира внутренности), а там же, где и написал. Иногда хочется вырвать или вырезать что-то из своей книги, но единственный путь, который есть – через стирание, действие, аналогичное письму, когда само письмо становится стиранием (например, как бы пальцем по пыльной поверхности). «Стёртый текст. Но кое-что видно. Стереть и это? Конечно. Чтобы снова переписать. Чтобы снова стереть переписанное. Чтобы опять переписать стёртое. Чтобы стереть стёртое. Да. Записывать и стирать – вот зачем я здесь» [4, с. 123–124]. Поэтому стирание – это тоже рисунок, техника письма. Даже смерть, как это ни парадоксально, не стирает текст, он остается написанным в других, в пространстве между.

Даже если я смогу что-то стереть в себе, например, вытеснив это в бессознательное (которое, как известно, на самом деле ничего не стирает и не забывает, это просто переписывание, но не стирание в собственном смысле слова), то как это сделать в других? Только переписыванием, письмом поверх написанного. Так мы и поступаем: сходные жесты письма проводят все более и более глубокие борозды, а изменение манеры письма создает путаницу, невозможность прочесть написанное. Труднее всего стереть не стёртое, а ненаписанное. Чтобы стереть, необходимо что-то написать. Например, радикально сменив поверхность или способ письма.

Но со стиранием мы встречаемся и в другом смысле. Письмо – это не только связность, это разрывы. Я могу перекраивать ткань, внося различия там, где была связность. «“Разомкнутое” не является и не может быть “существительным”. “Extra” – не еще одна “pars” среди “partes”, но лишь распределение частей. Деление, раздел, отделение» [2, с. 53].

Что такое письмо? Письмо – это не просто цепочка знаков, это еще и цепочка разрывов между знаками, без которых письма не будет. Субъект не тождествен написанному, поскольку ткань письма немислима без структуры разрывов, пауз, дыр. Субъект в зиянии, создаваемом письмом, которое делает его фрагментарным, разбивает меня на разные аспекты, заставляя высказываться снова и снова, порождая все новые поверхности письма. Если смысл (субъект) где-то и есть, то он и есть эта конфигурация разрывов.

Письмо требует фрагментарности, взламывания смысла: «Пересечение, приостановка, словом, взламывание любого языка там, где язык прикасается к смыслу» [2, с. 45]. Разрывы есть всегда, но есть вопрос, где они локализуются. Одна из возможностей практики себя для субъекта – это возможность переконфигурировать разрывы. Не там, где разрывается само, а провести другую борозду, разорвать в другом месте, тем самым создать новый стиль письма. Стиль субъективности как письма – это способ обращения с разрывами в том числе.

Я выписываю каждый раз новую поверхность, нет никакой непрерывности самосознания, ибо Я заставаемо всегда разным и поразному – в зависимости от этих поверхностей. Этой самотождественности самосознания нет даже в настоящем, ибо и оно тоже не является какой-либо точкой, но сборкой выписываемых поверхностей, в результате чего мы имеем дело... лишь с чередой (иногда даже с переборами) «почтовых открыток», отправленных другим и себе: «Мне никогда не хватало времени написать тебе

о том, о чем я хотел бы написать, да, времени никогда не оставалось, и если я пишу тебе не прерываясь <пробелы> я буду отправлять тебе всего лишь почтовые открытки» [5, с. 15].

Лакан отмечает это зияние субъекта: «То, что субъект первоначально представляет собой, сводится к следующему – он может забыть. Он в этом определении надо стереть – субъект при возникновении своем есть, буквально, не что иное, как элизия, опущение означающего, означающего, являющегося в цепочке пропавшим звеном» [6, с. 290]. Но это зияние нужно понимать во всей его сложности. Так же, как пишет само письмо, где мы оказываемся и пишущими, и выписываемыми, а скорее – самой поверхностью письма, с разрывами такая же ситуация: мы не только разрываем, но и разрываемы им, а скорее просто являемся местным эффектом разрыва.

Субъект – это не связность ткани письма, это разрыв, дырки в этой ткани. Именно это и заставляет писать: онтологическая нехватка, необходимость восполнения, стремящаяся дописать, выписать себя. Но и разорвать, фрагментировать, ибо без этого биения пульса письма и разрыва не будет смысла; нет дихотомии письмо / разрыв, нет одного без другого, разрывы пишут, а письмо разрывает. Есть только ритм, их пульсация, индивидуализирующая стиль письма в данном локусе.

Письмо не может не быть двойственным, быть двойным жестом или, по выражению Ж. Деррида, писаться «двумя руками», поскольку онтология письма – это онтология следа, даже не того или иного следа, а цепочки следов. Я пишу себя, но присутствую ли я в письме? Можно ли сказать, что Я оказывается тождественным письму? Но я не могу говорить о письме как некоторой данности, без процессуальности, без отсылки к другому, другим, разнесенным во времени. Письмо принципиально сопротивляется

идентичности абсолютного присутствия, в этом ускользании-в-прописывании я и застаю себя всегда как след: «След – это стирание самого себя, своего присутствия, он конституирован угрозой или тревогой своего безвозвратного исчезновения, исчезновения исчезновения» [7, с. 365]. Эта онтологическая двойственность бытия-письма и побуждает нас выписывать себя, мы не стоим за этой операцией, мы являемся ее актором и эффектом одновременно.

То, как мы мыслим (прежде всего себя), влияет на наше письмо. Но и то, как мы пишем, влияет на нас. Отсюда открывается возможность различных практик себя: если мы хотим изменить себя, надо менять письмо или способ его разрывать. Практики письма становятся практиками себя.

Почему же все-таки философ пишет, высказывает себя? Потому что его гонит онтологическая нужда, общая не только для всех философов, но и для всех людей: необходимость становления-себя-письмом.

Список литературы

1. Батай Ж. Внутренний опыт. СПб. : Аксиома, Мифрил, 1997. 336 с.
2. Нанси Ж.-Л. Corpus. М. : Ad Marginem, 1999. 256 с.
3. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. М. : Логвинов, 2004. 272 с.
4. Рясков А. Сырое слово. М. : Опустошитель, 2015. 240 с.
5. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа к Фрейду и не только. Минск : Современный литератор, 1999. 832 с.
6. Лакан Ж. Этика психоанализа (Семинары : Кн. VII (1959–60)). М. : Гнозис ; Логос, 2006. 416 с.
7. Деррида Ж. Письмо и различие. М. : Академический проект, 2000. 495 с.

Образец для цитирования:

Малкина С. М. Бытие человека как становление письмом // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 37–42. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-37-42>

Human Existence as Writing

S. M. Malkina

Svetlana M. Malkina, <https://orcid.org/0000-0001-7121-5832>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, Malkinasm@gmail.com

The article's aim is to investigate human existence through the notion of writing, using philosophical concepts of J. Derrida and J.-L. Nancy. Any of our actions or thoughts can be interpreted as acts of writing, located on the surface of touching, in the area, where one-

self is opening to the Other. Our existence doesn't "have sense", but it itself becomes the sense, being written out. The paper also raises the issue of the idea of *self*. Being local and for that reason always different effect of writing, *ego* hereby is fragmentary, irreducible to any unity, devoid of self-identity. We write ourselves, but always to someone (the writing is intentional). And this someone also writes us – through reading, thus the writing / reading mechanism is a single act. Thereby, the written out surface simultaneously unites and separates the subjects. The subject is not a point without a place, but a spatial configuration of surfaces which represent a geometric place of his probable being. Similarly, the article exposes

the necessity of removing the opposition of writing and erasure, the impossibility of writing without erasing and erasing without overwriting. But erasing, gaps exist in the very body of writing, because it is not only a chain of signs, but also the configuration of pauses between them. Thus the subject is located rather in gaps of this fabric, than in the very texture of writing, turning out the same ontological lacking, which induces us to write.

Keywords: writing, being, subject, ego, the Other.

References

1. Bataille G. *L'Expérience intérieure*. Paris, Gallimard, 1978. 180 p. (Russ. ed.: Batay Zh. *Vnutrenniy opyt*. St. Petersburg, Aksioma, Mifril Publ., 1997. 336 p.).
2. Nancy J.-L. *Corpus*. Paris, Éditions Métailié, 2000. 168 p. (Russ. ed.: Nansi Zh.-L. *Corpus*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 256 p.).
3. Nancy J.-L. *Être singulier pluriel*. Paris, Galilée, 2013. 210 p. (Russ. ed.: Nansi Zh.-L. *Bytie edinichnoe mnozhestvennoe*. Moscow, Logvinov Publ., 2004. 272 p.).
4. Ryasov A. *Syroe slovo* [The Raw Word]. Moscow, Opustoshitel Publ., 2015. 240 p. (in Russian).
5. Derrida J. *La carte postale de Socrate à Freud et au-delà*. Paris, Flammarion, 1980. 549 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *O pochtovoy otkrytke ot Sokrata k Freydu i ne tolko*. Minsk, Sovremennyy literator Publ., 1999. 832 p.).
6. Lacan J. *Le séminaire, livre VII : L'Éthique de la psychanalyse*. Paris, Seuil, 1986. 374 p. (Russ. ed.: Lakan Zh. *Etika psikhoanaliza (Seminary: Kniga VII (1959–60))*. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ., 2006. 416 p.).
7. Derrida J. *L'écriture et la différence*. Paris, Seuil, 1967. 436 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Pismo i razlichie*. Moscow, Academicheskiiy proekt Publ., 2000. 495 p.).

Cite this article as:

Malkina S. M. Human Existence as Writing. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 37–42. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-1-37-42>
